

PIOTR CZERWIŃSKI

Силезский университет в Катовице
Филологический факультет

„Зоопарк’ ментального представления русскоязычных Вариации и динамика репродуктивного образа¹ (3)

Пространственные представления объектов в их возможных отличиях и совпадениях

Отойдем и от этих теперь рассуждений, обратившись к конкретной проблеме в связи с тем, что было рассмотрено². Что являют собой как пространства зоопарк, сад или парк, сад и парк, соответственно (отчасти об этом уже говорилось, но теперь это будет в сновиденческом повороте и следующей из соответствующих толкований связи), а также, опять же только пространственно и в указанном повороте, зоопарк и зверинец? Для чего придется рассмотренные ранее приводившиеся примеры с их толкованиями повернуть (имея на мысли возможную в будущем типологию) в их пространственную (онойропространственную) аспектуальность.

Начнем с простого, того отчасти, о чем уже говорилось. Каким по виду, т.е. конфигуративно, как место, мыслится для сознания в первую очередь зоопарк? Из всего того набора признаков, которые ранее были представлены, думается, не было бы чем-то несообразным представить его как такое место, в котором находятся, пребывают, “вмещаются” звери, которые,

¹ Статья представляет собой адаптацию фрагмента монографии автора *Пространства в снах. Семантика ориентационных мотивов*. Тернополь: Крок, 2015.

² Часть 1 и 2 см. „Zoophilologica” 2016/2, с. 23–58 и „Zoophilologica” 2017/3, с. 23–56, там же в сносках содержится литература к данной работе.

в отличие от других вероятных мест, где они также находятся и пребывают, сидят там по клеткам, в вольерах, не на свободе и взаперти. То есть это не что иное как 'локатив дислоцированно-клаузивного бестиарного хабитатива'³. Словарные приводившиеся толкования, близкие к энциклопедическим, ничего такого, как уже ранее отмечалось, не предполагают.

Что значит для восприятия это размещенное запертое сидение диких зверей по вольерам и клеткам? Сходное, если не равное, с представлением о "звериной тюрьме"? Вместе с тем для обыденного сознания с его антропоцентричным подходом ко всему окружающему представление это оборачивается в место, где этих самых зверей, в силу их запертой дислоцированности, можно удобно и безопасно обозревать. Локатив дисоцированно-клаузивного бестиарного хабитатива развивается, продолжая себя, в 'локатив бестиарного секуративного'⁴ обсерватива', объединяясь с ним так, что одно без другого для сознания оказывается не представимым. При этом первое становится условием второго, которое для взаимодействующего восприятия с зоопарком является ведущим. Зоопарк – это, прежде всего, место, куда можно пойти, чтобы посмотреть на зверей. "Звериная тюрьма" становится местом посещений, за плату, идущую на содержание сидящих в ней.

Опустим этическую и философскую сторону рассматриваемого представления, обратившись к еще одному важному для нас вопросу – какое отношение, сначала пространственное, а потом пространственное онейрическое, если таковое удастся увидеть, имеют ко всему этому ментально представляемые образы 'сад' и 'парк'? Поскольку и в слове, точнее словах, *зоосад* сначала, потом *зоопарк*, и при толковании в словарях имеется, с точки зрения образования вполне понятная отсылка к ним – см. *зоологический (сад, парк)*. Сохраняется и действует ли она также и для представления о 'зоопарке', 'зоосаде', как о 'парке', 'саде', которые *зоологические*? И что бы это значило, не с точки зрения образования этих слов, а с точки зрения представления о 'парке', 'саде', которые 'зоологические', прежде всего пространственного представления о них, т.е. как о таких, а не других местах и локативах?

Толкование по русским объяснительным словарям того и другого (речь идет о *парке* и *саде*, *зоопарке* и *зоосаде*) уже давалось. Обратимся поэтому к таким же толковым словарям польского языка, представляющих интересующее нас явление как местообъект несколько в ином повороте. Не будем вдаваться в имеющиеся разночтения и несовпадения в источниках, огра-

³ Лат. *claudio, clausum* [одного корня с *clavis* 1) ключ; 2) задвижка, засов] 1) запирать, замыкать; закрывать; 3) окружать: с. *aliquid aliqua re* обнести, окружить что-л. чем-л.; *habito, habitatum* 1) обитать, жить, проживать, населять; 2) пребывать, постоянно находиться.

⁴ Лат. *securus* 1) беззаботный, безмятежный, спокойный; 3) безопасный, огражденный от опасностей, надежный.

начимся лишь уже ранее цитировавшимися двумя – типичным толковым последнего времени и словарем иностранных слов. Первый содержит следующее объяснение интересующего нас слова (в переводе на русский язык), предполагая первоначально отсылку:

zoo (зоопарк) – это иначе зоологический сад (*ogród zoologiczny*)⁵.

С такими примерами, иллюстрирующими зоопарк как место прогулок и познавательно-развлекательного посещения с детьми:

Poszliśmy na spacer do zoo. / Мы пошли в зоопарк на прогулку.

W zoo dzieciom najbardziej podobały się słonie. / В зоопарке детям больше всего понравились слоны.

- **Ogród zoologiczny** (зоологический сад) – это огороженная территория, на которой содержатся животные со всего мира, чтобы люди могли их смотреть.

Иллюстративных примеров при толковании данного словосочетания не содержится. Это в немалой степени связано с тем, что данная единица в разговорной речи малоупотребительна, выступая официальным обозначением интересующего нас объекта. Показательно также то, что в представлении о зоопарке не содержится мысли о саде (*ogrodzie*), зоологический сад не сад, а огороженная территория, если следовать за толкованием. Тем более это значимо, что ботанический сад (*ogród botaniczny*), формально составленный так же, представляя собой устойчивое сочетание существительного с прилагательным (*ogród + botaniczny / zoologiczny*), в той же словарной статье объясняется через *сад* (*ogród*), во всем остальном повторяя определение при зоологическом саде:

- **Ogród botaniczny** (ботанический сад) – это сад, в котором выращиваются растения со всего мира, чтобы люди могли их смотреть. (Иллюстративных примеров и здесь не приводится.)

Из чего следует первое и основное: зоологический сад (*ogród zoologiczny*) – это, прежде всего никакой не сад. Само слово *ogród* (сад), при котором в качестве единиц расширения даются приведенные два примера, толкуется следующим образом:

Ogród (сад) – это участок земли, на котором выращиваются цветы, овощи либо фрукты. Сад обычно находится около дома либо поблизости от него.

⁵ *Inny słownik języka polskiego PWN*. Red. naczelny M. Bańko. Warszawa 2000, t. 2, s. 1380.

Сказанное иллюстрируют примеры:

W ogrodzie rosły maliny i porzeczki. / В саду росли малины и смородины.
(в букв. переводе)

ogród warzywny / овощной сад

ogród kwiatowy / цветочный сад

Отличие польского представления о саде от аналогичного русского можно усматривать в том, что польский сад, согласно приведенному определению в словаре, обычно при доме либо поблизости от него, что для русского представления не обязательно и предполагало бы уточнение (*сад при доме*), и что польский сад может быть более специализирован – в нем выращиваются цветы, овощи либо фрукты и, соответственно, в приводимых примерах – овощной сад, цветочный сад. Русский сад, как правило (если он не промышленный, не колхозный и не совхозный), допускает и то, и другое, и третье: и фрукты, и овощи, и цветы, а потому и специализация будет себя выражать по-другому: *огород* (где овощи), *цветник* (цветы), *фруктовый сад* (где только фрукты). Интересен также порядок: цветы, овощи либо фрукты (на первом месте цветы, затем идут овощи и только на третьем месте даются фрукты), в то время как согласно толкованию в МАС *сад* – это «участок земли, засаженный деревьями, кустами, цветами, обычно с проложенными дорожками». Сначала идут деревья, причем не обязательно и не только фруктовые, потом такие же не специализированные кусты, и только затем, в дополнение, даются цветы. Проложенные (обычно) дорожки в польском определении не отражены. Из чего можно сделать вывод, складывающийся из трех показателей: сад типичного представления 1) в русском языковом восприятии это то, где растут (в польском – выращиваются) деревья, кусты и цветы, без указания на отношение к дому, в то время как для польского восприятия это все, согласно приведенному определению, обычно при доме либо поблизости от него; 2) для русского представления сад допускает и даже предполагает возможность выращивания одновременно и фруктов, и овощей, и цветов, для польского в саду может выращиваться и что-то одно – цветы, либо овощи, либо фрукты; 3) сад русского представления может быть предназначен не только и даже не столько для выращивания в нем каких-то полезных культур, но и для прогулок, хождения, отдыха, чему служат обычно прокладываемые дорожки, а потому, не привязываясь специально к дому, не в основном и не в первую очередь располагаясь при нем, может быть как малым, так и большим, т.е. величина, как таковая, ему для сознания не приписывается, это не определяемый с точки зрения занимаемой площади участок земли, в то время как польское представление, как можно предположить исходя из сказанного, этот участок видит закрытым и ограниченным.

Этимологически близкое польскому *ogród* русское *огород*, согласно определению в МАС, содержит именно такое, связываемое с домом, примыкающее к нему, представление: «1. Участок земли, обычно вблизи дома, для выращивания овощей». Вторым значением, что также будет для нас показательно, дается в этом словаре у этого слова «2. Изгородь.» Значение, которое прямо следует из происхождения: *огород* – *городить*, обл. *огорода*, *ограда*, т.е. огороженное, отделенное от прочего место. У Даля, как уже отмечалось ранее, отличие сада от огорода укладывается в рассматриваемые представления: если *сад* у него бывает *плодовый*, или *потешный*, для прогулок, то *огород* «для разводки полезных, более съедомых растений», «овощник, отдельное и обычно огороженное место, обработанное под посев или посадку *огородных* овощей, съедной зелени, ботвы, капусты и кореньев: репы, моркови, картофеля, луку ипр.».

И, соответственно, близким русскому саду, хотя и не полностью с ним совпадающим, можно считать польское того же корня и происхождения *sad*:

Sad – это участок земли, на котором выращиваются фруктовые деревья и кусты.

С таким примером:

Szli czereśniowym sadem w kierunku domu. / Шли черешневым садом по направлению к дому.

Из этого следует, что *sad*, прежде всего, если не единственно, должен быть фруктовым, и что он так же, как и *ogród*, может быть при доме. Иначе говоря, и *sad*, и *ogród*, будучи при доме (*ogród* предпочтительнее), предполагают различие в специализации: если *sad* подразумевает фруктовые деревья и кусты, то *ogród*, в первую очередь, цветы и овощи, фрукты в меньшей степени. Различие менее выразительное, чем между русским *садом* и *огородом*, поскольку последний, будучи специализирован на зелени и овощах, ни цветов, ни фруктов не предполагает.

Опираясь на этимологические представления, отчасти отраженные в семантике, можно было бы сказать, что если *ogród* / *ogorod* (*ogród* нас будет в первую очередь интересовать в связи с представлением об *ogród zoologiczny*) – это исходно и первоначально огороженное место, назначаемое к выращиванию растений, в основном употребляемых в пищу, то *sad* / *sad* – это место, опять же исходно и первоначально, назначаемое к засаживанию, посадке («стараньем человека», по определению Даля) растениями, которые и декоративны, и дают цветы, плоды, радуя глаз, принося пользу и давая отдых. *Ogród* / *ogorod*, тем самым, будучи огорожен, охраняем, защи-

щаем, более прагматичен, чем *sad / сад*, как место не столько огороженное и охраняемое, сколько окультуренное и приспособленное, освоенное, обработанное для эстетических, рекреативных, а не только продуктовых нужд.

Возвращаясь к представлению о зоопарке, польское *ogród zoologiczny* на первое место выставляет для сознания мысль об огораживаемом участке, территории, где содержатся животные со всех концов земли, для того чтобы можно было их смотреть. В русском *зоосаде, зоологическом саду* (поскольку нет возможности говорить о нем как об *огороде*) такое представление не будет основным и первым. Коль скоро это *сад*, речь может идти об окультуренной стараниями человека территории, где все же, хотя и есть деревья и кусты-цветы, не это главное, а то, что это место, освоенное и приспособленное для эстетических, ознакомительных и рекреативных нужд. *Зоопарк, зоологический парк*, вытеснивший *зоосад*, утрачивает представление об окультуренности территории стараниями человека, назначаемой к реализации таких-то нужд, заменяясь как ведущим представлением, о котором говорилось – локатива бестиарного обсерватива, куда можно прийти, чтобы увидеть зверей, нигде в другом каком-то месте не доступных вживе, из чего особый смысл приобретает признак экстраординарного бестиарного обсерватива. Интерес в этой связи представляет (коль скоро речь идет о пространственности зоопарка) то, в какой мере и как отражает себя во всем этом то, что это ‘парк’, не первоначальный ‘сад’, не польский ‘ogród’.

Польский словарь иностранных слов содержит дефиницию, существенно не отличающуюся от приведенной из толкового:

zoo «иначе зоологический сад (*ogród zoologiczny*) (→ *zoologiczny*)» <ang. *zoo(logical garden)*>;

zoologiczny «касающийся зоологии» ◇ **ogród zoologiczny** «огороженная территория, предоставляемая посещающим, на которой разводятся животные, происходящие из разных географических районов, и проводятся над ними научные исследования; zoo» <от *zoologia*>.

Показательно в этом определении то, что это территория, предоставляемая посещающим, т.е. посещение – допустимо разрешимая, но не ведущая и не основная вещь, в то время как основным и ведущим признаком, вынесенным вперед, оказывается огороженность – отделенность, обособленность от остального. В таком представлении зоопарк становится местом исключения, отсепарирования от этого остального и прочего.

В свою очередь «*Uniwersalny słownik języka polskiego*»⁶ содержит несколько иные толкования интересующих нас значений, что свидетельству-

⁶ *Uniwersalny słownik języka polskiego*. sip.pwn.pl/slowniki/Uniwersalny-słownik-języka-polskiego.html [15.02.2015].

ет о не единственности возможных представлений для сознания носителей языка:

ogród «территория, занятая под выращивание декоративных и потребительских растений с обозначенными аллеями, дорожками, грядками, украшенная газонами, клумбами цветов и т.п.».

Представление, как можно видеть, более близкое рассмотренному русскоязычному и одновременно более развернутое.

Δ *zool.* **Ogród zoologiczny** «территория, приспособленная для разведения и акклиматизации животных, происходящих из разных географических районов, являющаяся научно-исследовательским учреждением, предоставляемая для посещающих; zoo, zwierzyniec».

Определение содержит указание на научность (*zool.*), перед нами термин, отсюда цели зоопарка как научно-исследовательского учреждения на первом месте, территория которого предоставляется для посетителей, что не без значения, но не является определяющим и основным. В свою очередь, не терминологическое слово *zoo*, как и в предыдущих словарях, дает отсылку к «ogród zoologiczny».

Sad в этом словаре определяется как исключительно фруктовый, прямо передаваясь как *ogród owocowy*:

sad «территория, на которой высажены фруктовые деревья и кустарники; ogród owocowy (фруктовый сад)».

С примерами:

Sad wiśniowy, morelowy, jabłoniowy. / Сад вишневый, абрикосовый, яблоневый. (т.е. предполагающие строгую специализацию)

Zbierać owoce w sadzie. / Собирать фрукты в саду.

Dom otoczony sadem. / Дом, окруженный садом.

Англоязычное определение зоопарка (коль скоро этимологически польское *zoo* связывается с ним), согласно Википедии, в принципе мало чем отличается от приведенных:

A **zoo** (short for **zoological park** or **zoological garden**, and also a **menagerie**) is a facility in which animals are confined within enclosures, displayed to the public, and in which they may also be bred. / Зоо (сокращение от зоологический парк или зоологический сад, а также менажерия) – учреждение, в котором животные содержатся внутри оград, доступные публике, и где они могут также и размножаться.

Английское толкование включает в себя представление о зоопарке и о зоосаде, обращаясь одновременно также и к представлению о менажерии (бродячем зверинце) в самом начале. То есть *zoo* (*зоо*) может быть равным образом парком и садом, восприниматься в том и другом для себя направлением, не исключая возможности перемещения. Первое, на что обращает внимание данное определение, – это на помещение зверей за оградами. Показательным можно также считать, что англ. *confine*, имея первым значением ‘ограничивать’, во втором означает ‘заточить, держать взаперти; заключать в тюрьму’, а *to be confined* ‘быть прикованным’. Тем самым, с позиции данного представления, животные в зоопарке, в первую очередь, не свободны, заперты, ограничены и заключены, что служит тому, чтобы быть доступными публике. Признак обсерватива, следовательно, выступает прямым продолжением их дислоцированной клаузивности в данном месте. Появляется также возможность их размножения, зоопарк, тем самым, становится местом не просто их пребывания и обитания, но и ассимиляции, укоренения, появления последующих поколений. Животные на природе и животные зоопарка предстают двумя параллельными, не пересекающимися и не соприкасающимися разновидностями того и другого вида.

Приведем еще одно англоязычное определение для сравнения с рассмотренным⁷, небезынтересное для обсуждаемого нами предмета:

zoo (zu) / зоо

1. Also called **zoological garden**, a parklike area in which live animals are kept in cages or large enclosures for public exhibition. / Также называемое *зоологический сад*, паркоподобная территория, на которой живые животные содержатся в клетках и больших ограждениях для публичного обозрения.
2. a place, activity, or group marked by chaos or unrestrained behavior. / место, деятельность либо группа, характеризующиеся беспорядком (хаосом) либо необузданным поведением.

Заключенное в полном названии представление о саде (*zoological garden*) получает развитие в определении *parklike area* (*паркоподобная территория*), т.е. сад здесь на первом месте, а парк выступает тем, что его через подобие себе поддерживает и дополняет. Зоо, следовательно, есть тот (зоологический) сад, который территориально похож на парк, поскольку также примерно выглядит. Как и в предыдущем случае, содержание живых животных в клетках и ограждениях служит целям доступности для обозрения, повторяя структурно-концептуальное соотношение дислоцированной

⁷ *Dictionary of the English Language, Fifth Edition*. Houghton Mifflin Harcourt Company 2011. www.thefreedictionary.com [15.02.2015].

клаузивности ради обсерватива. Небезынтересно второе значение, своей широтой (отношение к месту, деятельности или группе), не говоря о самом содержащимся далее смысле (беспорядочность, хаотичность и необузданность поведения), соотносимое с тем, которое наблюдалось для городского сленга (арго) у В.С. Елистратова и в «Словаре современного русского города».

‘Зоопарк’ как сепаратив (отделенный местообъект от всего остального и прочего)

Обратимся теперь непосредственно к пространственному аспекту разбираемого представления. На основании всего сказанного складывается картина о зоопарке, прежде всего, как о месте, отделенном своей огороженностью от всего остального, которая, предполагая ограниченность самостоятельного активного проявления, следующую из замкнутости помещаемых там, то, и другое, и третье имеет целью ‘доступность для обозрения’. Определяющим признаком, следовательно, необходимо считать обособление и отделенность (сепаратив – как показатель разряда, группы других возможных в том же ряду локативов), который связывается далее (для возможной подгруппы того же разряда сепаративов) с размещаемой замкнутостью находящихся там (дислоцированный клаузив, оба признака как не разделяемые фигурируют вместе) ограниченных в своих проявлениях (акциональностный лимитатив) диких животных (бестиарность), что находит свое мотивирующее, финитно-предистинативное (целевого предназначения), оправдание в том, чтобы быть доступным для обозрения (пропозитивный обсерватив). В результате мы получаем такое значение, которое может быть выражено, будучи формализовано, как ‘локатив дислоцированно-клаузивного / акционально-лимитативного сепаратива с целевой разновидностью в бестиарно-пропозитивном обсервативе’:

Loc [(DislocClaus/ActLimit)>Bestiar(ProposObserv)] Separat

Получаемое представление о зоопарке можно определить как трехчастное. Первой частью будет включающий все остальное в себя Loc ... Separat (сепаратив-локатив). Второй, соответственно, также двучастный DislocClaus/ActLimit (дислоцированно-клаузивный акциональностный лимитатив), части которого связываются между собой как целевая необходимость DislocClaus дальнейшего и ее неизбежное результирующее следствие

в ActLimit: замкнутость предполагает ограничение акциональной свободы. Третья часть, целевого предназначения размещенной замкнутости DislocClaus, представляя собой Bestiar(ProposObserv), также двучастна: объект – Bestiar (дикие звери, животные) назначения в ProposObserv (доступность для обозрения).

Если из этой формулы и, соответственно, представления убрать бестиарно-объектную как финитно-предистинативную часть, полученное (при соответствующем дополнении) окажется равным значению мест заключения, т.е. лагерю и тюрьме. Зоопарк от лагеря и тюрьмы отличается только характером, видом объекта для него характерного и ему придаваемого предназначения, т.е. того, что внешне, а не переживаемо внутренне. С точки зрения тех, кто находится там (животные в зоопарке; заключенные в лагере или тюрьме), это отличие, может, не столь и существенно, а предназначение – быть объектом всеобщего обозрения либо общественного, т.е. также всеобщего, наказания и осуждения, составляя элемент морально-этического дополнения, трудно сказать, в какой мере по-разному переживается, представляя собой предмет размышления над показателями своего (в ощущениях) сенситива.

В свою очередь, если в указанной формуле заменить одну только ее составляющую, животную Bestiar, на человеческую Human, получится то представление, которое известно под видом так называемого *человеческого зоопарка (Human Zoo)*, известного тем, что в вольерах и клетках для обозрения публики помещались не звери, а люди, представители своим внешним видом существенно отличающихся от европейцев этнических типов и рас. Цель подобного предприятия, имевшего место в XVIII и XIX столетиях, ничем практически не отличалась от зоопарка зверей, сопровождаясь разве что дополнительно представлением о том, что есть люди и люди, которые только по некоторым своим признакам объявляют сходство с людьми, будучи мало в чем отличающимися от животных, во всяком случае недалеко от них отошедшими, не столько, может быть, внешне, сколько по не цивилизованной природе своей. Представление, возникающее на этой основе, следующее из концептуально-морализаторского расширения финитно-предистинативного компонента подобного зоопарка, неизбежно будет иным, отличным от зоопарка звериного, не только и не столько, может быть, увесилительно-развлекательно-познавательным, сколько супрематистским, оправдывающим акционально-экзистенциальную необходимость колониально-расистского европеоцентризма. Впрочем, все это было бы за пределами разбираемого нами предмета.

К рассуждению о человеческом зоопарке примыкает отчасти известный из французской истории полумифический, скажем так, сюжет. Мифический – в силу сомнительно-опровергаемой рядом историков полуправды, с одной стороны, а потому и полумифический. И как проявление

“небожительского” проявления земного воплощения Аполлона, с другой, – короля, бога-солнца, с охотой, луком и стрелами: свет и радость экстаза дионисийства, смешанные с девичеством и чистотой Афродиты-охотницы во вседозволенном, поскольку божественном, полубогам полагающемся, соединении, и поэтому также полумифическом. Речь идет о так называемом парке с оленями Людовика XV. Одними подобное заведение рассматривалось и продолжает рассматриваться как притон на открытом воздухе его старческого разврата с малолетними девочками (не старше пятнадцати лет), “нагоняемыми” для подобного рода королевской охоты в этот парк егерями, размещаясь по домикам и павильонам (как в вольерах и клетках). Другими все это, считаясь досужим вымыслом, имевшем целью уронить моральный облик, а тем самым, и само достоинство короля и представляемой им власти в глазах его подданных, определялось как место его уединения, отделенное от всего остального в Версале (т.е. опять же сепаратив), парк с павильонами и беседками для отдыха и размышлений.

Как в том, так и в другом равно возможном для нашего рассуждения случае, поскольку наша задача состоит в уяснении не исторической правды, а существующих представлений о ней, в том числе и мифических, полумифических, а потому полуправд и неправд, – в обоих случаях имеет смысл говорить о парке как “огороженном”, обособленно-недоступном, закрытом месте, замкнутом для посещения всех остальных.

Иными словами, формула локатива-сепаратива, продолжая оставаться сепаративом дислоцированного клаузива, в дальнейшей части претерпевает определенные изменения, которые делают парк с оленями чем-то принципиально иным, противоположным заложенному в зоопарке обсервативу. Не будем, однако, далее его определять, поскольку следующий уровень уточнения потребовал бы различения парка не только с оленями, но и с “оленьями” для удовлетворения старческих половых перверсий и парка только с оленями для уединенного отдохновения измученного государственными обязанностями правителя, а это бы не входило в задачу, хотя и давало бы представление о разных возможных типах, в том числе и репродуктивного локатив-сепаратива. Неполная формула такого парка, с опущенным третьим, определяющим, компонентом могла бы выглядеть следующим образом: *Loc [(DislocClaus/ActLimit)> ...]* *Separat*, при *ActLimit* возможным, но не обязательным и по-другому (по сравнению с зоопарком) себя воплощающем.

Можно было бы задаваться вопросом, если бы такой парк с оленями, в том либо другом своем виде, приснился кому, было ли бы это чем-то таким же, как выводилось для него в отношении локатив-сепаратива дислоцированного клаузива с тем или иным своим расширением, предполагающим то и другое, разные репродуктивные образы, а тем самым, и разные следствия для них? Отнесемся к поставленному так вопросу как

к теоретическому, а потому оставим его без ответа, перенеся проблему в широкую плоскость – нечто, о чем имеется более или менее определенное в общем сознании представление, которое можно вывести и показать (как это выглядело в парке с оленями, с человеческим зоопарком, к примеру), это нечто как сновиденческий образ будет не толковаться, а определяться в составе признаков так же или не так?

О том, что на основе одного и того же пространственного объекта реальной действительности возможно возникновение разных репродуктивных образов, уже говорилось. Следовательно, сами наборы признаков, укладывающиеся в те или иные формульные ряды (как это было показано на примере рассмотренного определения значений у 'зоопарка'), эти наборы признаков и формульные их ряды будут у одного и того же объекта разные. Продолжая теоретически рассуждать, можно было бы предложить примерно такое возможное разрешение. Существующее в сознании представление об объекте, будучи многосторонним, способно формировать представления частные, своего рода векторные, которые, образуя единство и целостность каждое по отдельности и для себя, выкладываются в некие образы. Те, в свою очередь, могут стать образами различных видов и способов ви́дения и воображения (имагинативными⁸), часть из которых становится, может, точнее, стать имагинативными сновиденческими, которые могут по-разному разными интерпретаторами затем толковаться, как общие, могущие являться в своих значениях разным, так и, на основе различных методик, как частные, типовые и индивидуальные.

Образы, о которых речь, будь то возможные на основе представлений, общих и частных, имагинативные или имагинативные сновиденческие, общие, типовые, индивидуальные, соотносятся, а возможно, лежат в основе, существующих языковых значений соответствующих уровней, групп, разрядов, подгрупп, подразрядов, общих, частных, индивидуальных и пр. Будучи производными и/или производящими по отношению к сознанию, их в себе содержащему, образы эти становятся, выступают как репродуктивные и репродуцирующие, способные порождать из себя, производить и одновременно с этим воспроизводиться в виде разных значений, образо-

⁸ Лат. *imaginatio* [*imagine*] воображение, представление: *i. in somno* сновидение; *aliquid imaginationibus agitare* мечтать о чем-л.; *imaginarius* [*imago*] кажущийся, призрачный, воображаемый, мнимый; *imago, imaginatum* [*imago*] изображать, воспроизводить; *imagine, imaginatus sum* воображать, представлять себе: *i. aliquem per somnia* видеть кого-л. во сне; *imago, imaginis* [одного корня с *imitor, imitatus sum* 1) подражать, воспроизводить; 2) изображать, представлять; 3) выражать; обнаруживать выказывать и *aemulus* 1) стараящийся не уступать кому-л. ... 2) подражающий; 3) равный, неуступающий; подобный] 1) изображение; 2) описание, картина; 3) образ, подобие, тень, призрак, привидение; 4) отражение; копия; 5) вид, видимость; 6) мысленный образ, представление, понятие, идея: *imagines extrinsecus in animos nostros irrumpunt* представления проникают в наши души (в нас) извне...

ваний и форм задеиствуемого ими сознания. Приняв такое теоретическое по своему характеру объяснение, а потому во многом предположительно допустимое и не жесткое, обратимся теперь к дальнейшему рассмотрению выбранного для этого материала, чтобы увидеть, что и как действительно себя проявляет и действует для него.

Для начала вернемся к тому представлению зоопарка, которое, легши в основу тех переносных значений у слова, которые, находя свое воплощение в значениях, объясняемых в русскоязычной традиции как типичные для городского сленга (арго), а в англоязычной, без обобщения, на материале одного только приведенного словаря, как значение 2, давало бы результат, отличный от только что перед тем рассмотренного.

Речь, тем самым, пойдет не о том, как зоопарк, в котором звери сидят по клеткам, и зоопарк как неразбериха, хаос, беспорядок и необузданность, связаны и соотносятся между собой, о чем уже ранее говорилось с применением представления, основываемого на рецепторно-сенсорных признаках восприятия характеризуемого объекта. Речь пойдет (чтобы двигаться далее, оттолкнувшись от выведенного и ранее сказанного) о том, как лежащие, в основе того и другого значения, восприятия, представления, признаки, формируясь в какие-то формульные ряды, связываются с пространственным аспектом характеризуемого зоопарка, а) которые представляют его как локатив или не локатив, и какой локатив, если первое, какого вида и типа; б) как этот локатив или не локатив относится к воображениям о других локативах (не локативах), какое потенциальное место он может занять в их ряду, имея в виду его, этот ряд, как типологию сновиденческих образов и, наконец, и как частное, в) как эти самые признаки для двух представлений о зоопарке (где звери сидят и где неразбериха и беспорядок) связываются или не связываются с тем, что зоо может равным образом мыслиться как 'зоосад' и как 'зоопарк', т.е. как то и другое находит свое выражение, если находит, в том, что в сознании имеется представление о том, что есть 'сад' и есть 'парк', что это нечто похожее и не вполне, и что, если есть для сознания 'зоологический сад' и 'зоологический парк', то один ли и тот же это будет имажинативный, а затем и сновиденческий имажинативный образ или два разных.

При этом последнем пункте надо будет отвлечься от большей либо меньшей употребительности, актуальности либо не актуальности и устарелости *зоосада* как слова для современного русского языка по сравнению с *зоопарком* как словом. Поскольку не в этом дело, а в том, чтобы выяснить, что за пространство такое, которое 'зоосад', а что за пространство, такое же или другое, которое 'зоопарк', и при этом не для себя, а для сновиденческого имажинативного образа, который будет то ли один для них общий, то ли для каждого свой, а потому и два разных. Вопрос, который иметь будет как теоретический, так и типологический далее выход и результат.

При том, забегая вперед, следовало бы сказать, что, опираясь на материал словарей толкования сновидений, мы не увидим никакого отличия между тем и другим, зоопарк или зоосад, зоо, зверинец (*menagerie*, *menagerie*) различаться не будут, представляясь как один и тот же сновиденческий образ.

Можно поставить, опять же несколько забегая вперед, вопрос о том, а одно ли и то же, для представления и сознания, 'зоосад' и 'зоологический сад', 'зоопарк' и 'зоологический парк'? Думается, что все-таки нет, и дело тут не только в характере вербального оформления: *Мы были с ним в зоопарке* и *Мы были с ним в зоологическом парке* все же разные вещи. И если легко допустимо представить что-то вроде высказывания *В зоологическом саду мы видели самых разных зверей*, то уже *В зоосаду мы видели самых разных зверей* будет рождать для себя определенные и не случайные неудобства. То, что легко выкладывается и легко представляется для одного его обозначения, для другого его же обозначения будет связываться с определенным рода недоумениями и неловкостью. И можно предположить, ничто не мешает этому, что упирается все это не в оформляющие и называющие это место слова, а в представления, стоящие за словами. Используя терминологию, принятую в семасиологии, не углубляясь в детали предмета, можно было бы (вроде бы) говорить о денотативных совпадениях при сигнификативных отличиях: *зоопарк* и *зоосад* денотативно суть одно и то же, но, выражая себя с помощью разных слов, порождают разные представления об одном и другом.

Обращение к денотату и референту, однако, в интересующем нас предмете и случае мало в чем может помочь, поскольку одно и то же можно самым разным способом, обозначив, назвать, и это не объясняет ничего из того, о чем речь, поскольку денотативные признаки называемого во многом условны. Речь же идет не о денотате и референте, и не о сигнификате того либо другого называемого, обозначаемого словом денотата и референта, речь идет об образе, который, будучи свойствен сознанию и представлению, становится далее, может, способен стать имагинативным образом, образом семантической мотивации того либо другого значения, сновиденческим имагинативным образом, причем во всех этих случаях это может быть общая для сознания единица. Переведя все сказанное в наглядно-конкретную плоскость, вопросом было бы – может ли сниться, присниться кому-либо зоосад, который, с его точки зрения и в его восприятии, зоосад, но не зоопарк? И он будет настаивать – я не зоопарк, я зоосад во сне своем видел. И будет ли, следуя далее, зоопарк одно, одним каким-либо имагинативным сновиденческим образом, а зоосад другое, другим имагинативным сновиденческим образом? Тем более это важно, что и зоопарк способен себя проявлять не в одном своем имагинативно-сновиденческом образном виде.

Пойдя несколько в сторону, а может быть, также и далее, с определенной долей уверенности можно бы было сказать, что имажинативно не одно и то же то (все остальное будет неважно), что передается словами, одновременно и представляясь за ними, «я нахожусь в зоопарке (брожу, хожу, стою, смотрю в нем и пр.)», «я вижу (представляя в сознании), что нахожусь в зоопарке», «я думаю (воображая в мыслях), что нахожусь в зоопарке», «я вижу во сне, что нахожусь в зоопарке», «я вспоминаю утром, что видел во сне, что нахожусь в зоопарке», «я, вспоминая, рассказываю, пытаюсь в деталях припомнить свой сон, что нахожусь во сне в зоопарке». Оставим, однако, эти различия без рассмотрения, лишь обозначив их как вполне допустимые в отношении имажинатива, т.е. для воображения как в воображении “видимого”.

‘Зоопарк’ как сепаратив проекций не обязательно имажинативно единого

Оттолкнемся от этого «я нахожусь в зоопарке» как момента переживания пребывания в соответствующем указанном месте. Что переживается, что находится перед глазами, что воспринимается вместе с этим и одновременно на слух, на нюх, всем телом и кожей? Комплекс всех этих раздражителей для того, а не другого, не всякого зоопарка, равно как и индивидуально, будучи специфическим, неповторимым, с точки зрения восприятия и затем осознания, редуцируясь, фильтруясь, просеиваясь, подсознательно и ненамеренно, получит в наиболее общем, типичном случае оформление обобщенное, способное потенциально быть предметом коммуникативно обработанной передачи. Воспринимается, в наиболее общем, типичном случае, снова следует подчеркнуть, не столько то, что действительно есть, а то, что выхватывается сознанием на основе его знания-опыта, на основе существующих в нем представлений, оформляемых ментально, вербально и образно.

Представим себе теперь, что «я нахожусь в зоопарке» сигнализируется сознанием, с одной стороны, как место, в котором звери сидят в вольерах и клетках, и их по этой причине можно, ходя по аллеям, спокойно себе рассмотреть. В то время как с другой стороны, то же самое, то, что звери сидят в вольерах и клетках, сопровождается шумом и гамом, криками, звуками, запахами, движениями, шевелениями либо, напротив, неподвижными состояниями, сидениями, стояниями, жеваниями и пр. все тех же животных.

Будет ли восприниматься это место, в котором «я теперь нахожусь», как отделенное для меня от всех остальных? Видимо, все же будет, может, не с позиции представления “отделенное”, а такое, которое по всем этим мною воспринимаемым признакам в данный момент не похоже на все остальные, особенно, отличается в этих особенностях от всех остальных, а потому и предполагает особенность моего при нахождении в нем переживания. Эту особенность спокойно в принципе можно перевести в представление отделенности, исключительности и обособленности. Тем самым, и в случае тех значений, которые себя проявляют как сленговые шума, неразберихи, необузданной неуправляемости, хаоса и беспорядка, можно было бы говорить об имажинативном образе локативного сепаратива, хотя и другого, сопровождаемого не столько признаками (DislocClaus/ActLimit>Bestiar(ProposObserv), которые теперь становятся мало важными или даже не важными, сколько укладывающимися в такое представление о шуме и если не хаотичности, то нерегулируемой множественности издаваемых звуков и производимых движений, которое не соотносится ни с каким известным другим.

Иными словами, это был бы сепаратив производимых движений и воспринимаемых звуков (а также запахов, ощущений и пр.), который связывается не только с местом, но и с активностью, проявлениями тех, кто находится в нем, что не исключает также и места, поскольку, с одной стороны, нигде находиться нельзя, а с другой, те, кто так себя проявляет, проявляют себя в этом месте, данное место характеризуя собой с соответствующей беспорядочно-хаотической, неуправляемой стороны. Из этого следует то, что, будучи ранее названо векторностью, можно считать определяющим для представления о чем-либо (нахождения где-либо, в чем-либо) в отношении возникающих на его основе проекций, его концептуальных и рецептивных “образов”, которые, становясь в воображении “видимыми” либо кажущиеся, воображаемые видимыми, будучи по этой причине имажинативными, могут также как имажинативные образы себя объявлять и во сне. Отсюда, как следствие, образ может выпячивать и заслонять те свои “признаки”, которые связываются у него для него с переживанием его как локатива, чувствованием его как места в себе и себя в нем как в месте.

Тем самым, выходит, что беспорядок, хаос и шум могут восприниматься мной как то, что я переживаю в данном таком-то месте, в нем находясь, и могут восприниматься, но не привязываться и как бы не следуя прямо из места моего в тот или иной момент нахождения, равно как и одного только воображения о нем. Векторность представления то и другое равно предполагает. Следовательно, то, что сепаратив производимых, необычных поскольку, движений и звуков становится сепаративом данного локатива, локативным сепаративом (имеющим отношение к месту, которое вместе с тем не определяет его), либо сепаративом не локативом, вне локатива,

оторванным в восприятии от него, – все это, то, и другое, и третье, зависит от имажинатива, моего представления и воображения о нем.

Что касается парка и сада применительно к зоо, но для начала без такового, может ли то и другое восприниматься в пространственном отношении как сепаратив? Это видится важным, поскольку при приводившихся толкованиях зоопарка и зоосада (с отсылками к *зоологический* – *парк* или *сад*) мало когда говорилось, что то и другое все-таки парк или сад, но учреждение, огороженная территория. Если вспомнить этимологическое определение парка („Старшее знач. французского *parc* – «отгороженное место», «загон»⁹) и то первоначальное представление как об очищенной (чистой) роще, обычно огораживаемой (англ.), которое дается у Даля, то сепаратив для него, изначально заложенный, может быть ощутим. В отношении сада, как места насаженного растениями и приспособленного человеком для своих нужд, такого весомого отображения сепаративного признака для представления о нем мы уже не находим, ведущими будут другие.

Порассуждаем на эту тему с позиции возможного для того и другого, переживаемого, скажем так, восприятия. С чем, как место, ассоциируются, связываются в сознании не то, чтобы в первую очередь, но как наделенные соответствующим представлением, парк и сад, способны ли они и в каком отношении, если способны, одно другое собой заместить? С точки зрения современного представления, сад и парк не одно и то же. И хотя парк толкуется через сад («Большой сад, роща с аллеями и т.п.»), воспринимается он как такое место в городе, в котором нет, прежде всего, городского движения, растут деревья, стоят скамейки и тишина, что связывается с его особым все в том же городе предназначением. В то время как сад, если это не так называемый садовый участок, загородный обычно и не публичного пользования, это что-то совсем другое, с точки зрения предназначения, – либо это ботанический сад, либо фруктовый, промышленный, сельскохозяйственный, коллективный. Для современного представления, следовательно, сад и парк как явления разошлись. Небезынтересно с этой точки зрения то, что если зоологический сад, зоосад, еще первой половины XX века, стал, в конечном итоге, зоологическим парком и зоопарком, вытеснив во второй половине того же столетия зоосад, то сад ботанический так и остался садом, своего представления, связанного с назначением, не меняя.

Основным отличием парка от сада, при всех несомненных сходствах, следует в связи с этим искать в их предназначении. Парк предназначен и открыт для публичного посещения с целью прогулок и отдыха. Сад – для

⁹ П.Я. ЧЕРНЫХ: *Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. – 3-е изд., стетеротип. Москва 1999. Т. 2, с. 6–7.*

работы в нем с целью выращивания каких-то растений, деревьев, кустов, цветов, предназначенных для наблюдения над ними, формирования, проведения опытов, демонстрации результатов (ботанический сад) либо для получения плодов. Прогулка и отдых в нем, а также возможное посещение публикой не цель и не предназначение, могут рассматриваться как нечто сопровождающее и дополнительное. Общим для парка и сада, помимо растущих там и там деревьев, трав, кустов и цветов, наличия дорожек, скамеек, качелей, грядки и клумб, можно считать возможность контакта с живой природой в ее растительном проявлении, природы как флоры. Зоопарк к этому добавляет возможность контакта с животными, т.е. природы как фауны, оттесняя флору на задний план.

Будем считать, что именно это, с интересующей нас стороны, объединяет представление парка и сада – возможность взаимодействия и контакта с живой природой в растительном, вегетативном ее проявлении, которого нет, не хватает в условиях современного города. В первую очередь, применительно к городу об этом, видимо, следует говорить, поскольку, если какой-то такой же, открытый для публичного посещения, сад или парк имеется также в деревне, то его назначением, предполагаемым и приписываемым, будет нечто другое. При значительно большей возможности контакта с живой природой у деревенских жителей по сравнению с городскими, по причине чего таковая потребность у них имеет иной характер. Ведущим признаком такого парка либо сада для них будет возможность публичного посещения и в нем появления, с тем чтобы себя показать и людей посмотреть (индикативно-остентативный¹⁰ признак контактно-коммуникативной потребности). Без необходимости, с одной стороны, привычной сельской работы в нем, как в совместных фруктовых садах либо у себя на участке, а потому для переключения и отключения от привычных видов времяпрепровождения и деятельности. В связи с чем, по всей видимости, все же не прямо для отдыха (хотя для прогулок, но прогулки по парку и саду специфичны по-своему, о чем следует говорить), поскольку ‘отдыхать’ деревенского представления вряд ли будет соотноситься с возможностями садово-паркового контакта с природой. В то время как с другой стороны, эта публичность, открытость, доступность для появления в нем всех и каждому, будет иметь для деревенских жителей, скорее и в первую очередь, культурно-коммуникативный, цивилизованный, скажем так, характер, отличный от такого же открытого и доступного для посещения (и, соответственно, появления в них) других, не рабочих и “диких” природных мест – полей, лесов, рек, озер, рощ, оврагов и всего прочего, имеющегося на открытых деревенскому взору пространствах.

¹⁰ Лат. *indico, indicatum* 1) указывать, определять; 2) показывать, заявлять, открывать; 3) отражать, проявлять, выражать, обнаруживать; *ostento, ostentatum* ... 2) показывать; указывать в качестве примера; 3) (хвастливо) выставлять напоказ, хвастать...

Выводимые на этой основе признаки, такой, как ‘контактно-обсервативная адьюнктивная (приобщенная) вегетативность’, предполагающая такой вид взаимодействия с живой природой, который, вольно или невольно, сознательно или нет, дает ощущение связи с растущим, движущимся, преобразующимся в растениях (не только растениях – птицах, белках в парке-саду) проективным, скажем так, коде. Присутствуя в человеке, он, как правило, не ощущается им, а потому вызывает особые, симулятивно-стимулятивные по своему характеру переживания и чувства. Как ограниченная, обычно не вмешивающаяся и также ‘контактно-коммуникативная публичность’, если не индикативно-остентативная, представляющая себя на всеобщее обозрение и других для такого же обозрения для себя, то обсервативная, т.е. наблюдающая, допускающая такую возможность, предполагающая на сей раз взаимодействие не с живой природой, а с живыми людьми на природе, в “освобожденном” для них от всего остального, скажем так, если не общении, то конгрессивном¹¹ контакте с ними. То есть это будет публичность с дополнительным признаком конгрессивной эмансипативности, отделенности от другого, привычного, втягивающего в свою колею. И далее признак, который можно определить как ‘амбулятивность’¹², предполагающий перемещение, хождение по кругу, взад и вперед, расслабление, отключение, переключение в сферу нецеленаправленной деятельности, освобождающей от выполняемых обязанностей, регуляций, забот и хлопот. Тем самым, это будет ‘релаксативно-трансмутативная амбулятивность’. И тот же признак, который можно представить как ‘спациативность’¹³, с упором не столько на перемещение и хождение по кругу, туда и сюда, сколько на своеобразный выход в пространство, подключение, предоставление себя ему, распространение, расширение в нем как во что-то привычно другое, живое, открытое, большее, что бы предполагало своим уточнением ‘экзито’¹⁴-эмансипирующую спациативность’.

Все эти признаки, в принципе, можно рассматривать как такие, которые свойственны парку, а отчасти и саду (может быть только в другом порядке и с дополнениями, которые мы не будем распространять) как локативному сепаративу, отделяющему, отключающему эти местообъекты от

¹¹ Лат. *congregior, congressus sum* ‘сходиться’; *c. cum aliquo* ‘находиться в сношениях (поддерживать общение) с кем-л.’; *c. inter se* ‘встречаться’; *congressio* 1) встреча, сближение, связь, общение...; *congressus* 1) сближение, схождение, общение...

¹² Лат. *ambulo, ambulatum* 1) ходить, прохаживаться, прогуливаться, гулять; бродить, расхаживать; проходить, проезжать...; *ambulatio* 1) хождение взад и вперед; гулянье, прогулка; 2) место для прогулок.

¹³ Лат. *spatior, spatiatum sum* 1) прохаживаться, прогуливаться; 2) расширяться, распространяться; от *spatium* 1) пространство, протяжение, простор, место; 2) величина, размеры, длина; 3) расстояние, промежуток; отрезок, путь... 5) место для гулянья...

¹⁴ Лат. *exitus* 1) место выхода, выход... 3) цель... 5) развязка; заключение; исход, конец, завершение; 6) результат..., от *exeo, exitum* 1) выходить, уезжать... 2) вытекать...

того другого, которое рядом, на фоне и проявляет себя в их связи. Парк и сад воспринимаются и осознаются в привычном пространстве, прежде всего городском, но и деревенском, как то, что вокруг не сад и не парк, как обособленно-отделенные в этом смысле и на этом фоне места, – по тем признакам, которые были приведены. Воспринимаются ли они как такие, которые составляют и насыщают собой этот самый сепаратив, или же сепаратив этот в них не осознается и не ощущается, будет зависеть от актуального поворота, аспекта, их для сознания, для того или иного высказывания, либо сна, отображаясь в для себя характерном в каждом подобном случае имагинативном и концептуальном “образе”, стоящим за тем либо другим таким поворотом? *В парке было тихо, (только) чирикали птички, где-то внизу журчал протекавший ручей.* О какой тишине идет речь, если звуки были, чирикали птички, журчал ручей? О той, которая связывается с природой и исключает шум человеческий и городской, т.е. это будет сепаратив контактно-обсервативной адъюнктивной вегетативности. Другой пример будет давать другое его проявление. *Мы долго ходили по парку, беседовали, он мне очень понравился в этом новом для нас окружении.* Что можно считать проявлением сепаратива экзито-эмансипирующей спациативности. Или какое-нибудь *Мы с ним встретились в парке. Я ее видел в парке вчера,* – как сепаративы конгрессивно-контактной публичности.

То же самое могло бы касаться и обстоятельств сновиденческих проявлений, в которых возможная и заложенная изначально сепаративность либо будет иметь значение, определяя интерпретируемый в толковании далее смысл, либо такого значения может и не иметь, оставляя его за кадром, на заднем плане, фоном и тоном чего-то другого, более важного, выставляемого на первое место. Попробуем показать это на примерах сновиденческих толкований о зоопарке, от сада и парка как сепаративов уже отойдя. Важным для этого рассуждения будет (помимо общей идеи сепаратива, себя обнаруживающего либо нет) аспектность, концептуально-оценочные и сенситивно-эмотивные повороты общего в представлении ‘зоопарка’ (а также ‘зверинца’) как имагинативного, проявляющего себя в сновидении, образа (либо образов), сходного (сходных), если не полностью совпадающих в конфигуративе исхода. Рассмотрим лишь некоторые из них, ранее характеризовавшиеся и цитировавшиеся, опуская отсылки к источникам, не суть важные в данном случае.

Об аспектуальности ментально-имагинативных проекций

То, что «видеть во сне посещение зверинца – означает множество неприятностей в ближайшем будущем» (согласно «Соннику» Г.Х. Миллера), можно воспринимать как аспект, для которого признак сепаративности выглядит несущественным. На первое место выносится признак, связываемый с его 'бестиарностью', из которой следует такое имагинативно-образное представление о зверях, находящихся в нем, которое определялось нами как 'инкорпоратив деструктивного реверсива' – 'дикость' внутри человека, в нем самом, которая, резонируя с окружением, встречаясь с ним, находя, ощущая, воспринимая с его стороны негативную, расщепляющую, отделяющую от прогрессивного позитива поддержку (сепаратив инкорпорирующего деструктив-реверсива), переносится, трансмутирует в «я» к его достижениям в ближайшем будущем.

'Зверинец', а также и 'зоопарк', как имагинативный образ, воспринимается в этом случае как то, особое по своему характеру, место, в котором находят свое выражение, выходят наружу, начала звериного в человеке, разрушительно действующие на его человеческую природу, препятствующие его успеху, развитию и продвижению вперед (через уподобление человеческого начала звериному в нем же). 'Зверинец' и 'зоопарк', предстают, тем самым, как то, что, как бестиарное, неуправляемо, задерживает, останавливает, тормозит, тянет назад и, тем самым, разлагает, расподобляет и портит. Это был бы своего рода перверсивно-дегенеративный¹⁵ аспект 'зоопарка'.

Ему соответствующий имагинативный образ, стоящий за ним, представлял бы его как место, дышащее скрытым жаром охваченных страстью тебя-поглощения и причинения тебе вреда человекозверей, пугающий страх от которых и разносимое в необузданной дикости зло, не осознанное, не ощущаемое, хуже, чем воспринимаемое и осознаваемое, поскольку его такое трудно, не видя, предотвратить, от себя отвести. Опираясь на приведенную формулу $\text{Loc}[(\text{DislocClaus}/\text{ActLimit})\text{>Bestiar}(\text{ProposObserv})] \text{Separat}$, следовало бы сказать, что, если второй компонент $(\text{DislocClaus}/\text{ActLimit})$, присутствуя, отступает на задний план, при объемлющем сохранении первого – $\text{Loc} \dots \text{Separat}$, то развитие получает третий – $\text{Bestiar}(\text{ProposObserv})$, с необходимым, развертывающим уточнением в Bestiar (указанные при-

¹⁵ Лат. *perversio* 1) переворачивание; 2) *перен.* извращение; *perversē* 1) превратно, дурно; 2) неправильно, наоборот, от *perverto, perversum* 1) опрокидывать, переворачивать... 2) ...расстраивать; портить, губить; *degenero, degeneratum* 1) выродиться, переродиться, измениться, испортиться; 2) превращаться, переходить.

знаки поглощения и необузданной дикости, ведущие к разрушению), с переворачиваемым, обращаемым смыслом в (ProposObserv), при котором тем “предлагаемым к обозрению”, т.е. объектом воздействующего, контактирующего, инкорпорирующего, входящего разложения, становится сам сновидец, его ничего такого не подозревающее и не готовое к этому «я».

Три последующих снотолкования из приводившихся ранее:

Если вам приснился зверинец, то это значит, что вам предстоит контакты с людьми, которых только обстоятельства будут удерживать от враждебной деятельности по отношению к вам.

Menażeria

Встретишься с неприятными людьми

Menażeria (zwierzyńiec) – познакомишься с неприятными людьми, –

можно рассматривать как развитие того же самого имажинативного образа с акцентами на те либо иные признаки его представления и их уточнениями, что, осложняя своими подробностями процедуру, мало что вносило бы в то, о чем говорится. Образ и объясняющая его составное значение формула оставались бы принципиально теми же, поэтому мы не будем входящие в нее признаки уточнять.

Еще одно представление, соотносившее ‘зоо’ с ‘тюрьмой’ и ‘оранжереей’:

Зоо → **Тюрьма** – изменение естественного положения вещей, создание искусственного рая на земле; → **Оранжерея**, –

обращает внимание на тот аспект, который видит в зоо, прежде всего, то место, в котором естественность и природность животного (как витального и экзистенциального, не звериного, т.е. бестиарного) состояния оказывается нарушенной вмешательством, а потому и искусственной, со стороны человека. Цель и внутренний смысл такого вмешательства воспринимается как стремление, отгородившись (зоопарк как ограда и, следовательно, отделяющее от остального и сепаратив) от внешнего и окружающего, создать некий мир, существующий по своим и улучшенным правилам (ср. окультуренное пространство, себя проявившее, в первую очередь, в отношении ‘сада’, а тем самым и ‘зоосада’, а с ним, отчасти и ‘зоопарка’).

Не будем входить, развивая, в детали подобного представления, остановившись на определяющем признаке, распадающемся, собственно говоря, на два взаимосвязанные. Первый, сводимый к первой части снотолкования, становится необходимым условием для второго, соотносимого со второй его частью. Речь идет об изменении, нарушении, можно сказать, искажении, для создания чего-то нового и совершенного. Первая часть,

определявшаяся нами как деформатив (в отношении *rerum natura*), оборачивается креативом артефактного беатификатива¹⁶ части второй: деформатив натуратива > креатив артефакт-беатификатива.

Формула (будем рассматривать ее как исходную), содержащая конструктивно организуемые признаки, характерные для определения ‘зоопарка’, Loc [(DislocClaus/ActLimit)>Bestiar(ProposObserv)] Separat, сохраняя объемлющий первый свой компонент Loc [...] Separat, поскольку ‘зоопарк’ в разбираемом случае предстает именно как отделяющее от всего остального местопространство, начинает претерпевать изменения в отношении двух других своих компонентов. Третий, Bestiar(ProposObserv), при таком толковании отступает на задний план, – не суть важно то, что звери, сидящие там, служат объектом, предлагаемым к обозрению, не это делает определяющим вводимое представление об искусственном рае. Возникает в этой связи вопрос – отступление, отход компонента на задний план предполагает его, если не нейтрализацию, то затенение или, если не замещение чем-то другим, то проступание в нем каких-то в другом своем виде иных, хотя собственных, “затененных” признаков? Иными словами, звериное в Bestiar, предлагаемое в Propos к обозрению в Observ, поворачивается в себе другими какими-то сторонами, заслоняя в себе же одно и выставляя, выводя на поверхность, другое? Попробуем ответить на этот вопрос после определения второго формульного компонента.

Итак, перед нами DislocClaus/ActLimit, дислоцированно-клаузивный акциональностный лимитатив, предполагающий, что находящиеся в данном пространственном месте, в нем, в этом месте, по своим местам и порядкам распределены, Disloc, и в этих местах своих замкнуты, Claus, что ведет и сопутствует ограниченности в Limit их свободного проявления в перемещении и, соответственно, деятельности (акциональности) применительно к Act. Заданием будет установить, в какой мере и как все это согласуется с представлениями о деформативе натуратива в креативе артефактного беатификатива. Замкнутость и ограниченность активной деятельности тяготеть будет к деформативу натуратива. То, что закрыли кого-то где-то, лишив свободы и ограничив в возможностях акциональностного проявления, воспринимается, интерпретируется именно как подобного рода деформатив, нарушение, искажение его натурального положения. То, что все это сделано не беспорядочно и не как-нибудь там, а с распределением по местам и порядкам в Disloc, приближает к идее беатификатива. А поскольку это делается по плану, создается, организуется, строится и формируется, беатификатив этот выглядит как артефактный и следует из креатива. Получается, таким образом, что разбираемый признак Disloc, задуманный как организация и порядок внутри локатива, становится, собственно гово-

¹⁶ Лат. *beatificus* [*beatus + facio*] дающий счастье, приносящий блаженство.

ря, полученным результатом, следствием артефактного креатива, а то, что он воспринимается при этом как беатификатив, будет следствием уже из него самого, т.е. дислокатива. В свою очередь, замкнутость и акциональность ограниченность Claus/ActLimit, связываясь необходимо с Disloc (поскольку иначе как возможно было бы по местам и в порядках зверей разместить, если не запретить их по клеткам, вольерам, расставленным в рядах тут и там?), оказываются, поворачиваясь соответственной аспектальной своей стороной, нарушением, искажением, натурального положения вещей (в отношении запертых по клеткам животных), – деформативом натуратива.

О конструктивной распределенности признаков (замечания к будущей типологии)

Из всего этого следует, что те или иные признаки, осознаваясь и воспринимаясь в том или ином своем виде и проявлении, могут быть так же, как и в исходной формуле, далее конструктивно распределены и определены. Иными словами, на их основе могут получаться свои собственные конструкции, входящие компоненты которых могут отыгрывать, при восприятии и затем в представлении, свою собственную, более или менее важную для того или иного значения, роль. При этом роли и места-повороты следует видеть как обратимые и организующиеся, поворачивающиеся, устанавливающиеся в разных порядках и видовых положениях в зависимости от направления мысли о них. То есть в зависимости от придаваемого им смысла и стоящим за всем этим организуемым строем представления. Обращаясь к рассматриваемому второму в исходной формуле компоненту, сказанное с опорой на произведенные в предыдущем абзаце распределения можно бы было представить как-нибудь так:

Disloc /CreatArtefact/ > Claus/ActLimit(DeformNatur) Beat, что следовало бы читать примерно в таком отношении: организованная размещенность Disloc, как результат того, что искусственно создано человеком /CreatArtefact/, хотя и ведет к замыканию Claus, связанному с ограничением в деятельностном проявлении для ActLimit, представляющим, собственно, искажением натурального положения вещей в DeformNatur, подразумевает некое лучшее, рай на земле в Beat.

Все это входило бы в общую для них трехкомпонентную формулу, подразумеваясь в ней, скрыто и неосознанно либо, напротив, явно и осозна-

ваемо, в зависимости от аспектов мысли о данном предмете (зоопарке, рае, оранжерее, тюрьме и т.п.) и вводимых в нее, соответственно, концептуальных задач. Как в случае с тем либо иным его “снотолкованием”, равно как и чем-то интерпретативно другим. При самом же данного вида и рода снотолковании некая часть общей формулы представления, отступая на задний план, понимаясь и подразумеваясь носителем данного представления, высвечивает, выставляет, выводит, делая облигаторным и значимым, тот проигрываемый в сознании и для сознания компонент, который и составляет данного снотолкования значимо видимую основу. Из формулы, следовательно, выявляется *CreatArtefact ... Beat*, все остальное ставя в тень само собой разумеющегося, а потому и не важного. То, что Волга впадает в Каспийское море общеизвестно и вовсе не требует постоянного упоминания, а то, что воды в этом море критически убывает, знание важное, хотя и не новое, и заставляя искать причину в положении Волги, скажем, в связи с водохранилищами на ней, не потребует особо глубокого объяснения. Само собой разумеющееся, присутствуя в голове, не должно находить своего отражения в актуализируемом обозначении чего-либо связанного с ним.

То, что в зоопарке ограда и клетки с вольерами по рядам, и то, что клетки с вольерами предполагают замкнутость и ограниченность находящихся в них, и есть такое само собой разумеющееся, всем известное и понятное. Но то, что все это можно интерпретировать как такое изменение естественного положения вещей, которое предстает созданием искусственного рая на земле, это новое и неожиданное, хотя и вполне объяснимый, а потому и разумный, по его осознанию, аспект, выводимый как следствие из само собой разумеющегося. По тому же правилу, по которому, если Каспийское море мелеет, то вполне вероятной причиной могут быть волжские водохранилища, причинно-следственно связанные со складывающимся положением вещей, хотя бы внешне-пространственно от него и весьма отдаленные.

Тем самым, для формулы разбираемого снотолкования исходный вид *Loc [(DislocClaus/ActLimit)>Bestiar(ProposObserv)] Separat* преобразуется во что-то вроде *Loc [BeatDisloc(CreatArtefact/DeformNaturClaus/ActLimit) ...] Separat*. Зоопарк как место обособления и отделения от другого, *Loc [...]* *Separat*, предстает для сознания в аспекте измененной в результате креативной деятельности человека природы с мыслью о ее улучшении.

Для выведения общей и полной формулы остается решить вопрос с опущенным третьим ее компонентом, вроде бы как никак себя не объявляющем и незаметным, т.е. в отношении признаков *Bestiar(ProposObserv)* – предлагаемых к обозрению зверей. Как это связано с представлением об искусственном рае с предполагаемым и закладываемым к этому замыкаемому размещению с ограничением в деятельности в нем обретающихся

зверей? Имеет ли смысл говорить о пропущенном в формуле? Опускается он, этот компонент, или также каким-то образом, оттесняясь на задний план, выставляет из себя что-то иное и новое?

Подойдем к представленному вопросу с двух возможных сторон. С позиции самого пропускаемого при первом подходе третьего компонента в его отношении к ставшим ведущими признакам искусственно создаваемого рая, предполагающего изменение естественного положения вещей. И с позиции роли и смысла входящих в формулу компонентов, трех и больше (если отделять сочетаемые признаки, пусть это будет в отношении разрешаемой задачи четырех, с отделением *Bestiar*, как стоящего вне связи с другими и к тому же за скобками, точнее перед ними).

Позиция от компонента предполагает установление, чем является это самое *Bestiar(ProposObserv)* для *Beat(CreatArtefact/DeformNatur)*, пользуясь соответствующими обозначениями. То, что оно определяется тем, что заключается в *DislocClaus/ActLimit*, вполне понятно, но это будет иметь свое объяснение при рассмотрении роли и смысла трех (четырёх) компонентов общего формульного состава.

Порассуждаем на эту тему. Искусственно созданный рай на земле, о котором речь, может быть следствием представления о том, что животные, звери в вольерах и клетках, не будучи на природе, находятся под своеобразной защитой и в безопасности. Кроме этого всё для них в зоопарке заранее установлено и определено, в отношении прогулок, пребывания на воздухе, в помещении, в зависимости от погоды и прочих условий, они обеспечены медицинской опекой, находятся под наблюдением, а то, что их можно при этом, приходя, публично обозревать, имеет свое отношение к тому, что искусственно и ненатурально, является в принципе изменением естественного положения вещей. В итоге, не вдаваясь в дальнейшие рассуждения, можно было бы говорить, что выведенное на основе имеющегося снотолкования конструктивное расположение *Beat(CreatArtefact/DeformNatur)* пронизывает и подразумеваемое в компоненте *Bestiar(ProposObserv)*. Фактически следовало бы говорить о том, что присутствующее в исходном как основное, не уходя и не исчезая, выводит, выставляя из себя на поверхность все то, что содержится в снотолковании. Получаемая формула могла бы иметь примерно такой свой вид: *Loc[BeatDisloc(CreatArtefact/DeformNaturClaus/ActLimit)<Bestiar(ProposObserv)]Separat*, что бы предполагало это самое 'звериное, предлагаемое к обозрению' в *Bestiar(ProposObserv)* как само собой разумеющееся и подразумеваемое (поэтому в формуле в виде индекса к основному набору и сверху) сопровождающее условие проективной реализации смысла. То, что хочешь создать (как искусственный рай на земле в результате и вследствие изменения естественного положения вещей) есть 'зоопарк'. 'Зоопарк' как имажинативный образ, а не что-то другое, наглядно "осознаваемый", но для сознания, как не 'зоопарк', а с ним, через него

и в нем, также и что-то еще, не “видимый”. Ощущаемый в своем проступании, но не отслеживаемый, не фиксируемый и не рефлекслируемый. Такой, который шевелится где-то внутри, но не высвечивается мыслью, не выхватывается ею на вид, не стоит перед ней как задача.

С этим далее связывается необходимость его представления как такого, а не другого, имагинативного образа, о чем будет речь, но перед этим вернемся к роли входящих в общую формулу компонентов.

О роли входящих в формулу компонентов

Не вдаваясь в подробности ее построения, концептуально-ментальные по своему существу, ибо не в этом для данного рассуждения состоять будет смысл, пойдем по пути простого уподобления, небезразлично значимого, в первую очередь, для него самого. Представим разбираемую формулу как формальное отображение некоего подобия знака, языкового, воображаемого, имагинативного в интересующем нас ключе. Языкового постольку, поскольку с его помощью передается некий подразумеваемый, в ту или иную сторону способный быть развернутым и представленным, смысл. Воображаемого – поскольку все это в своей совокупности присутствует в воображении, в образно воплощаемой мысли о нем, а потому и в этой связи, как следствие, также и имагинативного, характерного для ‘видимого невидимого’ в сознании и являющегося, сознательно, полусознательно и/или неосознанно, в размышлениях, в мечтах, в галлюцинациях, в бреде, в видениях, в сновидениях и т.п. Как то, что видится, кажется, мнится, чувствуется, ощущается, переживается, снится и пр.

Исходя из этого, некоторый компонент можно было бы определять как представляющий, эксплицирующий, содержащий идей, что оно есть такое, каким проективом, какой стороной себя объявляет. Пусть это будет тот компонент, который дает представление, в известном смысле условно, о “форме”, “виде” того, о чем речь. Роль его, как представляющего, будет ролью несущего. В разбираемой формуле это позиция *Loc [...] Separat*, определявшегося ранее как компонент объемлющий, включающий, заключающий в себе все входящее остальное.

Другой компонент, соответственно, будет в своей такой роли компонентом организующим, распространяющим, проявляющим первый в форме, придающим ему присущий определенный вид. Это нечто вроде структуры формы, если обратиться к подобию языковому знаку. Такой компонент можно было бы определять, в отношении видимой формы и ее смысла, как развертывающий. В разбираемой формуле им был бы обозначенный как

второй, т.е. DislocClaus в его проективном сопровождении, а потому через косую черту, в /ActLimit.

Насыщающим, определяющим “содержание” зоопарка, следовало бы видеть такой, который дает представление о находящихся в нем, т.е. это были бы звери и им соответствующий компонент Bestiar. Трудно представить все это организуемое и огражденное местопространство-объект, как структуру и форму, без того, что и есть, составляет его содержание – животных, или зверей. По этой самой причине занимает им соответствующий признак, и по той же причине как компонент, свое особое место, не в соединенной паре с другим и перед скобками, в которых стоит соотносимый с ним, представляющий все это в предназначении. Объясняющий, для чего животные, Bestiar, в этом особом и отделенном в своем ограждении месте для Loc [...] Separat, сидят по вольерам и клеткам замкнутыми с ограничениями свободы для DislocClaus/ActLimit. Для того, чтобы быть доступными к обозрению в ProposObserv. Компонент этот, будучи по своему существу мотивирующим, можно рассматривать (говоря о подобии знаку) как подобие его внутренней формы.

И тогда, имея в виду ту формулу, которая выводилась из соответствия разбираемому с толкованию, а именно Loc [BeatDisloc(CreatArtefact/DeformNaturClaus/ActLimit)<Bestiar(ProposObserv)] Separat, можно было бы интерпретировать (предполагая из этого следствие для определяемого, лежащего в его основе имажинативного образа), дифференциальный для него компонент Beat(CreatArtefact/DeformNatur), с опущением как само собой разумеющихся и подразумеваемых его оснований, даваемых в индексах и надстрочными, с позиции занимаемого им в формуле места, как развертывающий. То есть важный в отношении, прежде всего, строения, организации и структуры того представления, которое вводится им и стоит по этой причине за ним. Компоненты насыщающего все это содержания в Bestiar и мотивирующего внутренней формы в ProposObserv не случайно оказываются затемнены, поскольку роль передаваемого в развертывании через второй компонент вводимого в Beat(CreatArtefact/DeformNatur) именно и состоит в представлении, несении через конфигуратив зоопарка в Loc [...] Separat другого, нового, открывающегося через соответствующий имажинативный образ, вносимого с ним, содержания и его мотивации (объяснения в его собственной внутренней форме).

Модуляции признаков в составе общего представления, непосредственно связываемого с зоопарком и выводимого из него, подводят к необходимости описания всего этого в виде репродуктивного образа. Тот или иной имажинативный образ, возможный на основе набора признаков, извлекаемых из общего представления о каком-то объекте, выявляет важное свойство, связанное со способностью данного представления порождать, выделяя внутри себя, вывод на поверхность нечто одно в определенном

составе, что, упорядочиваясь и собираясь в конструкцию, создает представление о том же самом в том или ином его концептуальном и, соответственно, имагинативном ключе. Признаки порождают признаки, на самом же деле содержат их (речь идет об объекте в его отношении к знаниям и представлению о нем), более или менее осознаваемые носителями данной ментальной культуры и ее языка, которые, если их вывести и собрать, могут дать максимально полное воображение о предмете, способное осознаваться и восприниматься и быть характерным, свойственным для объекта в его отношении к ним, представителям данной ментальной традиции и культуры. Признаки и, соответственно, имагинативные образы обладают к тому же способностью быть возможными, потенциально или окказионально приписываемыми в том или ином своем представлении. Так же, как и единицы, в том числе и слова, языка.

Второй имагинативный образ, стоящий за выведенной конструктивной формулой, построенной на основе разбираемого снотолкования («изменение естественного положения вещей, создание искусственного рая на земле»), будет существенно отличаться от первого. Этот первый, о котором ранее говорилось, связывается, скорее, не с зоопарком, а со зверьми, которые в нем. При этом звери, толкуясь в контексте традиционного представления о них применительно к человеку как то, что, будучи диким, руководствуется инстинктами, а потому неуправляемо и разрушительно в нем, в том числе, если не в первую очередь, для него самого. Из чего следовало, что зоопарк предстал как такое, их в себе разных, и собирающее, и представляющее, и концентрирующее в единстве и совокупности место. Во втором имагинативном образе звери, как уже говорилось, отходят на задний план. Важным становится принцип создания и организации – того, что природно, т.е. естественно, подчиняя его определенному плану и регуляции и получая, тем самым, нечто искусственное ради достижения какой-то внутренне оптимизирующей цели.

Зоопарк в этом случае предстает, в имагинативном своем отражении, как такое особое место, отделяющее от всего остального тех, кто находится в нем, которое, по сравнению с живой и дикой природой, для них безопасно, надежно, обеспечивает заботой, питанием, наблюдением, не предполагая необходимости постоянной борьбы за существование и страха за свою жизнь – быть убитым, растерзанным, съеденным. Это место покоя и отдохновения, которые, оплачиваясь утратой активной свободы, взамен предлагает вынужденное бездействие и неизбежные ограничения. Хорошо ли тебе, человек, будет в таких условиях и на этой, самим тобой созданной для других и себя, упорядоченной, “райской” земле? Хочешь ли ты сидеть, находиться сам в таком, тобой созданном “зоопарке”? Следует заключенный в таком имагинативно-образном представлении, внутренне появляющийся, обращенный к сновидящему при таком толковании вопрос.

О концептуально-оценочных свойствах имагинативных образов

Имагинативный образ, следовательно, разрешая, развертывая себя в том или ином концептуальном ключе, содержит, способен в себе содержать, оценку, возможно скрытую и не однозначную, и мотивирующую, причинно-следственную и стимулирующую, побуждающую к рефлексии и реакции мысль. Имагинативный образ не просто концептуально-оценочен, но и, по крайней мере внутренне, импульсивен.

Имеется ли все это, только что выведенное, в зоопарке, в знании и представлении о нем? Когда пишут и говорят о современной роли существующих зоопарков, часто обращают внимание на их изначальную двойственность. С одной стороны, звери в них в безопасности, для целого ряда вымирающих видов это едва ли не единственная оставшаяся возможность себя сохранить. С другой стороны, животные в них утрачивают способность жить на природе, становясь непригодными к самостоятельному существованию и к активному проявлению в действии, теряя не просто инстинкты, реакции, но и сам навык, умение, приспособленность к не искусственному, не вымороченному, требующему постоянной ориентации, бытию. Природа их вырождается, животные, в конечном итоге, перестают быть зверьми. Искусственный рай на земле, если возможен и будет когда-либо осуществлен, неизбежно влечет за собой утрату природных способностей и вырождение. Для отдельно взятого человека, поскольку о нем идет речь в разбираемом снотолковании, живущего в условиях так называемых цивилизованных джунглей, цивилизацией созданной, но остающейся дикой по-своему природы, с необходимостью, пусть и другого рода, но все же борьбы за существование, не на всем готовом, как правило, и не во вполне безопасном для себя окружении, такой 'зоопарк', способный лишить его самозащитных инстинктов, привлекая внешне "райской" искусственностью, может обернуться ловушкой, 'тюрьмой' либо 'оранжереей', к которым дается отсылка.

В этом концептуально-оценочном и мотивирующем (импульсивном) ключе и можно рассматривать то, о чем речь. Иными словами, рассматриваемый имагинативный образ, вычлняемый из общего представления о зоопарке, соответствует определенному аспектуальному кругу знаний, высказываний и соображений о нем. Зоопарк в природно-зверином и инстинктивном своем начале и повороте первого образа и представления дополняется во втором, расширяясь и уточняясь, креативно-организующим аспектом природы, перестающей быть дикой в нем. Звери, как следствие, перестают быть зверьми, что-то одно утрачивая и что-то другое в себе развивая, становясь в результате такого воздействия на их природу

зоопарковыми животными особями. И это еще одно важное знание, не отрицающее первого и строящегося на нем. Для более полного восприятия и разностороннего понимания зоопарка в контексте, в первую очередь, современных мнений и представлений о нем.

Развитием, хоть и в несколько измененном, по сравнению с прежней интерпретацией, первого имагинативного образа, с выведением на первое место того, что зоопарк – это, в первую очередь, звери, сидящие в нем, обладающие, по сравнению с человеком, чертами, которые привычно укладываются в представление об инстинктах (в связи с чем возникает вопрос, что такое инстинкт применительно к имагинативу), – развитием в подобную сторону можно рассматривать следующее, ранее уже приводившееся, снотолкование:

зоо символизирует сферу влечений, причем для более точного восприятия символа необходимо интерпретировать находящиеся в зоо животных (см. в соответствующих словарных статьях). Обобщенно это призыв к тому, чтобы мы более управляли своими влечениями и инстинктами либо наоборот – чтобы мы их так сильно не подавляли.

И сюда же:

Зоо

Связанная либо сдавливаемая звериная природа, звериные страстные желания либо инстинкты.

Другое значение: хаос.

И с тем же связанное, но как обратное:

ЗОО: Символизирует отсутствие возможности развития собственных инстинктов, вредоносный контроль над порывами, импульсами в психике, вызванный отсутствием зрелости, инфантилизмом.

См. ЖИВОТНЫЕ.

Из всего приведенного в отношении снящегося кому-либо ‘зоопарка’ в его не совпадающих внешне, отчасти, поскольку в деталях, напрашивается с неизбежностью мысль о проекции в нем как в представляемом, “видимом” концептуальном образе, и потому имагинативном, во-первых, а во-вторых, потому, что в своем сознании, для себя, для других, сам видящий либо тому, кто видел и, следовательно, другой человек стремится придать, приписать какой-либо смысл, – из всего этого неизбежно напрашивается мысль об отражении в ‘зоопарке’ как таком образе той категории, которая исследователями мифологий определяется в архетипическом противопоставлении как ‘хаос / космос’, ‘дикое / цивилизованное’, ‘естес-

твенное (природное) / искусственное (созданное)’, ‘нечеловеческое (звериное, дочеловеческое) / человеческое’ и т.п. Тем самым, в связи с тем, что не то чтобы понимаемым, но так устанавливаемым, ‘зоопарком’, можно было бы говорить о границе, промежулке и рубеже между тем, что имеет свое отношение к человеку и выражение в нем, и тем, что его природе как человека не то, чтобы противоречит, но нарушает и разрушает либо, напротив, сдвоенное, ведет к несвободе в нем же самом.

‘Зоопарк’ при таком понимании выступает как то, что находится между тем и другим (мета, межа, *кон* конца-начала¹⁷), являясь одновременно, точнее являя, объявляя и проявляя себя как такой (в потенциально в себе заложенном) равновес, типа стрелки у чашек весов, который, если не регулирует, то указывает, способен указывать, применительно к человеку, на необходимость и вместе с этим позицию, состояние, положение того и другого начала в себе – природно-животного, импульсивного, и контролирующего, умствующего и сдерживающего. Зоопарк в этом смысле предстает, помимо всего прочего в нем, как такой локатив, сепаратив которого мыслится в отделении и одновременно возможной связи того и другого, концентрируемого и располагаемого, “дислоцируемого” в нем в находящихся, сидящих по своим вольерам и клеткам зверях. Зоопарк становится местом отделенного соединения и возможного потому перехода, обращения, туда и сюда, от инстинктов к рассудочному контролю и от рассудка с его ограничениями и подавлением к свободе и импульсивной, ничем не сдерживаемой либо сдерживаемой непосредственности.

В том же контексте и отношении можно было бы видеть, с одной стороны, в негативном его аспекте зоопарк со зверьми, через них и в них, в таком приводившемся толковании:

ЗВЕРИ – в зоопарке – волнения; дикие – враги; отчетливо видеть – несчастный случай; убежали из клеток – неприятность в семье; преследуют – дурная слава.

И в позитивном, с другой стороны, в таком:

ЗОО Видеть: сообщение о том, что хорошо было бы войти в близкий контакт с животными, наблюдая их поведение, поскольку мы можем многому от них научиться. Они говорят нам, какой способ поведения следует оставить, а к какому стремиться.

¹⁷ Этимологически *конец* и *начало* имеют общее происхождение, от индоевропейского корня **kep-* – «(вновь) выступать наружу», «появляться», «начинать» (П.Я. Черных: *Историко-этимологический словарь...* Т. I, с. 563.)

‘Зоопарк’ обобщенного представления

Из всего на этом основании сказанного можно было бы говорить (опираясь на рассмотренные примеры, определения и случаи) о ‘зоопарке’ как таком онейрическом имагинативном образе (отвлечемся от всего остального, от переносных значений, энциклопедических и лингвистических толкований значения его как слова и пр., хотя все это было бы к месту, о чем, впрочем, уже говорилось, и что связывалось бы с предстоящим к установлению, однако уводило бы в сторону), – как о таком онейрическом образе, семантику и типологию которого в отношении представляемого им сепаратива, поскольку об этом шла речь, следовало бы обобщенно усматривать, в первую очередь, в сводимо-разводимом расположении двух надлежащих к уравниванию начал – природного и искусственного, натуратива и артефактива, фактически био- и социальной природы человеческого и околочеловеческого бытия.

Рассмотренные толкования ‘зоопарка’ как образа проигрывали бы аспекты этого общего, уточняя и располагая его различные признаки в конструкциях, дающих, с одной стороны, представление о том, что и как можно мыслить о зоопарке и как его воспринимать, а с другой, на той же основе, уточняли бы его исходный типологически сепаратив в том или ином подчиняющем и развертывающем отношении. Общий для всех, на основе выведенного, локатив такого сепаратива, который, если не мыслится, то имагинативно укладывается, в сепаратив натур-артефактного эквитатива¹⁸ (чтобы как-то его обозначить), далее может себя проявлять в отношениях сепаратива инкорпоратив-деструктивного реверсива, деформативного натуратива, креатив-артефактного беатификатива (на основе рассмотренных) либо как-то еще. Каждый из этих подвидов, подтипов, содержит в себе представление об исходном натур-артефактном эквитативе, поворачивающемся, себя отклоняющим, в ту либо иную сторону. Уподобляя явлениям в языке, их можно рассматривать как “падежи” – деклинативные проявления номинативно исходного.

Подобным же образом, как определенного, но другого исходного вида и типа, сепаратив можно было бы определять и рассматривать что-нибудь концептуально близкое, скажем, имагинативный образ ‘аквариума’. Основу его представления, точнее было бы говорить представления о нем, не вдаваясь в этом месте в описывающие и уточняющие в том или ином отношении детали, можно было увидеть в таком отделении от другого, которое предполагает обрыв, прерывание связей с другим, изолирование,

¹⁸ Лат. *aequitas, aequitatis* 1) равномерность, соразмерность, пропорция, от *aequus* 1) ровный... 5) равный...

замыкающее обособление от него, не допускающее взаимного проникновения и смешения, выхождения к нему. Пусть это будет для пробы, как приблизительный и недостаточно точный пример, сепаратив включающего в себя, содержащего и замыкающего в себе обрывающего контакты изолятива – сепаратив репозитив-комплетивного изолированно-мутуативного¹⁹ обсерватива, который объединяет в себе обе стороны рассматривавшегося в снотолкованиях образа. Как того, что содержит и может быть полным либо пустым (репозитив комплетива ‘аквариума’, пустого либо наполненного рыбами и водой), и как того, что, включая, тем самым, в себе, может это включаемое, свое содержимое от всего остального обособлять, отделять, допуская возможность за ним, равно как и того, кто внутри, а потому и взаимного, наблюдения (изолированно-мутуативный обсерватив). Та либо другая его сторона, проявляясь в снотолкованиях образа, не нарушает представленного единства, но отклоняет, проигрывает его в “проступании”, о котором упоминалось ранее в связи с признаком, характерным для имагинатива, в необходимом “деклинативно” для данного образа проявлении.

Возвращаясь к мысли о типологии, более развернутое представление которой предполагает отдельное описание, видится необходимым напомнить о построении, способном учитывать принципиальные расхождения во внутренне направляющем, скажем так, ориентирующем и ориентированном одновременно, характере образов.

Первое можно сводить к какой-нибудь группе типа ‘аллеи’, довольно последовательно представляемой в словарях сновидений в имагинативе, который вполне допустимым было бы отнести к разряду юнктивов²⁰, или *связующих*. Это образы, проецирующие связь и контакт «я» с другими, другим, отмечающие возможность либо необходимость выхода за пределы себя, обращение и переход в другое, к другому. Помимо естественных для себя показателей перехода и обращения, они способны в себе содержать идею оценки, признания либо непризнания, получения, посредничества с этим другим, приобретения либо утраты, потери, а также вынесения, выхода из прежнего своего состояния к новому и чему-то другому, открывающему новые перспективы, от себя сейчас к себе другому или в другом.

Конфигуративно все это передает себя схематическим образным воплощением линии, нити, пуповины, пути, веревки, полосы, канала, трубы, тоннеля, прохода, цилиндра, связки, сети, переплетения, взаимодействия одновременного многого, пучка, клубка, предполагающих внутренне вспучивания, колебания, флуктуации, подъемы, падения, взбугрения, выпячивания, опадания, движения поверхностей и т.п. Воплощается все

¹⁹ Лат. *mutuus*... 2) взаимный, обоюдный...; *mutuum* взаимность, обоюдность.

²⁰ Лат. *jungo, junctum* 1) соединять, связывать, сочетать...

это в вероятном для себя переходе, перенесении, вынесении в будущее, последующее, продолжение чего-либо, развитие данного состояния как имеющегося, в ожидаемых переменах и изменениях ближайшего и не ближайшего окружения, касающегося знакомых, друзей, родных, предполагая возможные в перспективе приобретения, вознесения, подъемы либо, напротив, падения и утраты.

Вторую группу можно представить имагинативом ‘амбара’ и отчасти ‘аквариума’. И это была бы группа репозитивов²¹ (депозитивов), или *вещающих*. Ее составляют емкости, способные, могущие в себе заключать, содержать, а потому и мыслимые, представляемые имагинативно, в воображении, в первую очередь, как таковые, наполняемые и опустошаемые, способные быть пустыми и полными. Конфигуративно это были бы, могли бы быть коробки, ящики, кубки, имеющие стенки и замыкаемый, ограничиваемый ими какой-то объем. И, наконец, третье, последовательно и обстоятельно расписанное на примере возможных сепаративов, предполагало бы группу (разряд) *отделяющих*, прерывающих, изолирующих, замыкающих, обрывающих либо, напротив, предписывающих необходимо-возможный контакт. Естественным и допустимо оправданным было бы предположить и другие группы (разряды), имеющие свой отдельный типологический смысл, что виделось бы как задача на будущее, предполагая последовательное и охватывающее разные виды и стороны описание.

Abstract

‘The zoological garden’ of the Russian mental notions The variations and the dynamics of the reproductive image

The character of the relations between linguistic and not strictly linguistic elements of awareness is discussed upon the example of existing notions. The vocabulary material reflecting both historical and contemporary interpretations is quoted. These interpretations consider the etymology of words. The purposes of this analysis is to discover the motives which change in time, features and semantic analogies. These three elements are then consolidated in the notions of the mental and linguistic culture. Subsequently the character of relations is established (by placing the character in the artificially created space) between the state of an animal and a human. The human resembles the animal and the latter is a representative of a community in captivity and the human observing the animals becomes an element of the collective display. The information and interpretations which were collected (compared to the data from the dictionary of dreams via their semantic and mental features) make it possible to ask a question on the semantics of the mental and semantic features of the vivid experiences which are in perceptual and mental existence. These experiences shape the notions for the representatives of a specific mental culture. The notions in question are of regulating, approximate and not always realized character. These notions, especially the ones which condition the organization of

²¹ Лат. *repositum* отложенный запас, запасы; *repositio* [*repono*] склад, амбар; *repono*, *repositum* 1) класть обратно... помещать; 2) откладывать; сберегать, сохранять...; *depono*, *depositum* 1) класть, положить; сложить, отложить в сторону... 3) положить, поместить в безопасное место, отдать на хранение...

the world in linguistic and non-linguistic awareness, eventually influence the semantic evolution of a language as well as the mentality of its users.

Keywords:

linguistic/non-linguistic awareness, mentality, mental image, animal-human, semantics

Abstrakt

'Ogród zoologiczny' rosyjskich wyobrażeń mentalnych
Wariacje i dynamika reproduktywnego obrazu

Na przykładzie istniejących wyobrażeń o ogrodzie zoologicznym omawiany jest charakter relacji pomiędzy językowymi i nie ściśle językowymi elementami świadomości. Przytaczany jest materiał słownikowy odzwierciedlający zarówno historyczne, jak i współczesne interpretacje z uwzględnieniem etymologii słów. Ich analiza ma na celu wychwycenie zmieniających się w czasie motywów, cech i analogii znaczeniowych, które to następnie utrwalają się w wyobrażeniach danej kultury mentalnej i językowej. Ustalany jest charakter relacji (poprzez umieszczenie w sztucznie zorganizowanej przestrzeni) między stanem zwierzęcia i człowieka. Człowieka, upodabniającego się do zwierzęcia, zwierzęcia jako reprezentanta pewnej zamkniętej w niewoli i zgromadzonej w jednym miejscu zbiorowości, i znowuż człowieka, ale jako obserwatora tych istot bądź podmiotu znajdującego się w analogicznej sytuacji zbiorowego pokazu. Zebrane informacje i interpretacje, które porównujemy z danymi słownika marzeń sennych przez pryzmat ich cech znaczeniowych i mentalnych, pozwalają na postawienie pytania dotyczącego semantyki reproduktywnych, istniejących percepcyjnie i mentalnie, obrazowych doznań. Biorą one bowiem udział w kształtowaniu u przedstawicieli określonej kultury mentalnej regulacyjno-orientacyjnych, do tego nie zawsze uświadamianych, wyobrażeń. Wspomniane doznania, zwłaszcza te, które warunkują organizację świata w językowej i nie tylko językowej świadomości, wpływają, jako skutek, na semantyczną ewolucję języka, jak również na mentalność jego użytkowników.

Słowa kluczowe:

świadomość, mentalność, mentalny obraz, zwierzę, człowiek, semantyka